

Раздел 4

ПАМЯТЬ ЖИВОГО ОБЩЕНИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ДАВЫДОВЕ

4.1. ИНТЕРВЬЮ С В. В. РУБЦОВЫМ*

Виталий Владимирович РУБЦОВ

Главный редактор журналов «Психологическая наука и образование», «Бюллетень УМО вузов РФ по психолого-педагогическому образованию», «Вестник практической психологии образования», электронного журнала «PSYEDU.ru».

Доктор психологических наук, профессор.

Академик Российской академии образования.

Как профессионал состоялся в стенах Психологического института РАО, где был пройден путь от младшего научного сотрудника (1972 г.) до директора института (с 1992 г. по настоящее время).

Ректор Московского государственного психолого-педагогического университета.

Директор Психологического института РАО.

Президент Федерации психологов образования России.

Заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства» МГППУ.

– Виталий Владимирович, расскажите, какие этапы, события Вашей жизни и профессиональной деятельности связаны с именем Василия Васильевича?

– Во-первых, мне всегда очень приятно вспоминать моего учителя – Василия Васильевича Давыдова. С ним связаны и моя подготовка в той области, в которой я работаю, и моя профессиональная

* Интервьюер – Алексей Гонтаренко, аспирант факультета психологии образования ФГБОУ ВО «МГППУ».

деятельность, и очень многие личностные позиции, которые складывались в течение многих лет, пока я работал с этим замечательным человеком и выдающимся ученым.

Если точно отвечать на вопрос, то можно сказать, что многие этапы и события моей жизни и деятельности напрямую связаны с его именем. Но среди многих я, конечно бы, выделил, пожалуй, 2–3 ключевых события, которые на меня повлияли. То, что очень впечатлило и сохранилось на долгое время.

Первое – это то, как В.В. Давыдов строил и проводил эксперимент в 91-й школе. Когда я заканчивал Московский инженерно-физический институт, Давыдов приезжал к нам на распределение и очень хотел, чтобы я пришел работать в его лабораторию. Ему тогда нужен был человек, который мог бы построить курс физики по системе учебной деятельности. И мы это сделали, но дело не в этом. Когда я пришел в 91-ю школу, лаборатория находилась в торце здания – там с утра до поздней ночи собирались молодые люди вроде меня и Бориса Даниловича Эльконина, и более зрелые уже психологи, такие как Генриетта Глебовна Микулина, Лада Иосифовна Айдарова, Аэлита Капитоновна Маркова. Там же располагалась лаборатория Даниила Борисовича Эльконина, которая занималась проблемами игры дошкольников. Сам Василий Васильевич и его сотрудники занимались проектированием учебной деятельности в начальной школе.

То, как он раскладывал на учебные действия, учебные задачи поведение ребенка и взрослого, ученика и учителя, как он превращал содержание понятий в совместные действия взрослого и ребенка, произвело тогда на меня такое впечатление, что я не только всё это хорошо запомнил, но и впоследствии неоднократно применял это в своих исследованиях и сохранил демонстрируемый им подход как принцип организации научного эксперимента в психологии. В.В. Давыдов действительно умел моделировать понятия, превращать содержание, в данном случае – содержание понятия, в структуру деятельности. И это – первый бесценный опыт, который я получил и который запомнился в то время.

С этим связано и другое событие. Я тогда уже начал понимать, чем Василий Васильевич Давыдов отличается от очень многих исследователей, ученых, психологов. Он был теоретиком, экспериментальным исследователем *деятельности*, умел перекладывать понятия, знания, смыслы в планы и структуры деятельности. И этим

вся теория деятельности, в техниках и технологиях, которые оставил Василий Васильевич, по существу отличается от других психологических подходов.

Когда говорили, что ребенок якобы сделал то и то, совершил какое-то действие, В. В. Давыдов говорил: «Не верь, это не так. Какое реальное действие совершил *сам* ребенок, он *сам* какое действие совершил? – спрашивал Давыдов. – И пока ты, Виталий, не покажешь мне, какое действие совершил сам ребенок и как, что делал взрослый, чтобы подвести его (ребенка) к необходимости совершить это действие, нет оснований говорить о том, что учебное действие совершилось». В данном случае важно, что Василий Васильевич указывал на то, что называется сначала у Л. С. Выготского, а потом в теории учебной деятельности – «коллективная форма» деятельности. Василий Васильевич показал мне на практике, «на пальцах» (а без этого – невозможно), что такое – специалист, ученый, практик, который занимается исследованиями в области теории деятельности и создаёт деятельностно организованные учебные ситуации.

Этот опыт трудно переоценить. И я благодарен своему учителю за то, что он меня поставил на эту непростую дорогу исследования собственно учебной деятельности, а по сути – *проектирования* учебных действий и самой деятельности, взаимодействия взрослого и детей. Те, кто занимается учебной деятельностью, хорошо знают, что это очень сложное понятие и очень сложное дело, к которому нужно относиться бережно. И все высказывания о том, что мы запускаем какой-то новый учебно-воспитательный, духовно-нравственный или еще какой-нибудь процесс, требуют четкого ответа на вопрос: «Какими конкретными действиями взрослого и ребенка обеспечена потребность в выполнении самим ребенком его собственного действия, с помощью которого он освоит, сделает своим (присвоит) то понятие, ту идею или тот смысл, которыми владеет взрослый?». Если мы не отвечаем на этот вопрос, то все наши тексты – просто пачка бумаги, пусть с очень хорошими, но беспредметными призывами к тому, какими мы все должны быть.

– *Есть ли у Вас такие черты профессионала, которые Вы так или иначе связываете с Василием Васильевичем? Может быть, это какие-то ценности, жизненные позиции, отношение к работе?*

– На этот вопрос мне ответить и трудно, и легко. Я уже сказал, что для меня принципиальным является перевод смыслов, понятий,

значений в схемы деятельности и планы поведения человека, для нас – ребёнка и взрослого. Здесь я абсолютный «давыдовец» и «деятельностник». Правда, к этому я добавляю то, что получил, читая русских философов, в частности профессора Алексея Федоровича Лосева, который говорит о том, что есть «одно» и есть «другое»; одно немислимо без другого; «одно становится в другом». «Одно» может быть только мыслимым, «одно» и «другое» находятся в процессе непрерывного становления. Эта философская мысль, которая прямо связана с теорией деятельности и в этом смысле глубже объясняет понятие об идеальном, без которого невозможна вообще передача никакого контекста, смысла.

Когда мы вспоминаем Л. С. Выготского, говорим о «смысловом поле», мне очень хочется задать вопросы вслед за В. В. Давыдовым и Э. В. Ильенковым, А. Ф. Лосевым и Н. А. Бердяевым. Что же находится в смысловом поле? Это далеко не очевидная вещь. Вопрос в том, чтобы понять, как существует идеальное. Это вопрос, который остался «подвешенным» и у самого Василия Васильевича. Не буду подробно сейчас об этом говорить, но если говорить о чертах профессионала, то для меня это профессионально ответить на вопрос, как существует, описывается и принимается идеальное, как появляется смысл того бессмысленного, что существует в культуре как знак и значение. Если мы относим себя к научной школе Л. С. Выготского, то, на первый взгляд, понятно – существует в деятельности. Далее это можно раскладывать, как учил В. В. Давыдов. И это для меня часть моего профессионального убеждения, и я также считаю, что это ключевая проблема. Дальше можно идти в психологические теории и видеть, что все научные школы, так или иначе, затрагивали эту проблему. На лекциях своим студентам говорю об образовании понятий у ребенка. Я считаю, что в этой теме, в этом направлении В. В. Давыдов продвинулся существенно дальше многих. Никто теоретически так глубоко, осмысленно и именно на основе установок теории деятельности не отвечал на вопрос о том, как образуются понятия у ребенка. Я считаю, что В. В. Давыдов здесь находится на корпус впереди, и эти его работы еще до сих пор не получили должного осмысления. Есть книжечка*, которую я выпустил под своей редакцией, там работы исследователей, которые занимались формированием понятий. Обсуждается, как идеальная сторона понятия присваивается самим ребенком. Надо

* Развитие основ рефлексивного мышления школьников в процессе учебной деятельности / под ред. В. В. Давыдова, В. В. Рубцова. М.: Психол. ин-т РАО, 1995.

эту книжку сделать учебным пособием. Считаю, что это очень добротный материал, я очень долго собирал эту книгу. Когда ее принес Василию Васильевичу, он прочитал и сказал: «Подписываюсь. Это про нас, приветствую!».

– *Какие высказывания Василия Васильевича, его теоретические идеи, жизненные позиции стали для Вас особенно ценными? В каких обстоятельствах жизни Вы обращались к ним?*

– Ещё раз хочу сказать, что я полностью «давыдовец». Считаю для себя это очень большой честью и ответственностью – занимать эту позицию в науке, её соблюдать и ей соответствовать. В этом плане могу сказать, что я очень хорошо чувствовал В.В. Давыдова и понимал его.

А если уж говорить о высказываниях Василия Васильевича, пожалуй, надо вспомнить его последние годы жизни. Он сказал мне однажды: «Знаешь, Виталий, мне бы хотелось все-таки понять, как же ребенок понимает смысл бессмысленного? Кто и как вообще нам открывает смысл бессмысленного?» Проблема формирования понятия его волновала всю жизнь. И в этом плане на вопрос «Кем он был? Философ? Логик? Психолог?» я твердо могу дать ответ, хотя, конечно, это моя точка зрения. На мой взгляд, он, прежде всего, был философом. Выдающимся философом нашего времени. Очень интересным философом. Он был деятельностным философом. Когда проходил в Психологическом институте памятный семинар (его проводил известный философ профессор В. А. Лекторский), все поддержали эту мысль. В. В. Давыдов – деятельностный философ. Мы тогда поняли, что в своих рассуждениях он просто все «перекидывал» в деятельностную парадигму, рассматривал события в деятельностной системе. Он не держал просто слова *как таковые*, для него слова были смыслом, а за смыслом стояли действие и деятельность. В своём споре с Георгием Петровичем Щедровицким он говорил так: «Юра, у меня твои схемы вот где сидят» (*жестом показывал где*), а тот ему отвечал: «Вася, ты ничего не понимаешь, это и есть деятельность!». В ответ услышал: «В твоей деятельности, кроме механики, ничего нет».

Ну, это так, к слову. По жизни они дружили, хотя никогда не были единомышленниками, и у них были разные взгляды. Почему? Потому что Г. П. Щедровицкий специально не занимался проблемой идеального – его это не интересовало. А Давыдова интересовало именно то, о чем я уже говорил, – как бессмысленное становится

осмысленным. И это центральный тезис также моего собственного научного представления, это мой собственный научный вопрос.

Он отвечал на этот вопрос, и с этим был связан его научный подход. Именно он на одном из методологических семинаров затронул проблему нужды и потребности. Обратите внимание, психология такая большая, но почему-то именно В.В. Давыдов поднял этот вопрос. Почему? Оставлю этот вопрос открытым, но хочу сказать – это входной билет В. В. Давыдова в психологию, потому что потребность – категория сложная. Возьмите знаменитый цикл жизни идеального: «вещь – дело – слово – дело – вещь». В. В. Давыдов говорил: «Понять бы, Виталий, все-таки дело или слово? Что же так разорвали? Только “так” и “так” можно, а не “и так, и так”». Вопрос, который В. В. Давыдов оставил нам для размышления. Но это очень серьезный теоретический вопрос для нас, теоретиков, которые работают в этой парадигме.

– Каким Василий Васильевич был в жизни, когда общался со своими коллегами, друзьями, как Вам кажется?

– Я участвовал в нескольких разговорах В. В. Давыдова с Э. В. Ильенковым. Это были разговоры с участием известных философов. Там был и Мераб Мамардашвили, который совсем иной концепции придерживался. Был Александр Александрович Зиновьев, изучавший, как и Э. В. Ильенков, проблемы идеального. Они в то время осмысливали гегелевский ход в развитии органических систем, искали смысл, на котором все держится. Эти глубокие споры были не чем иным, как диалогом с другими. Это был философский разговор.

В. В. Давыдов занимался многим в своей жизни. Он был редактором, преподавателем-лектором, философом, теоретиком и практиком. Но философом, конечно, прежде всего. Он не переставал заниматься философской рефлексией и основанием основных философских систем. В. В. Давыдов блистательно знал немецкую классическую философию и оппонировал и М. К. Мамардашвили, и Г. П. Щедровицкому в отношении их исходных понятий и представлений. А отсюда уже «вытекал» В. В. Давыдов – теоретик и В.В. Давыдов практик. Давыдов был таким именно потому, что он был, как я уже сказал, прежде всего, философом. И он ушел из жизни как философ, выдающийся современный философ. Лично я отношу его к плеяде замечательных русских философов.

Я разговаривал об этом с Азой Алибековной Тахо-Годи после смерти Алексея Федоровича (мы были дружны с А. Ф. Лосевым, а

Василий Васильевич бывал в доме Лосевых). После смерти Алексея Федоровича говорили: это был последний русский философ. Я так не считаю. Я считаю, что в эту плеяду русских философов вполне можно включить Василия Васильевича Давыдова. Только это был философ, который остался со своим философским вопросом. Он так на него и не ответил, но он жил с этим вопросом. В. В. Давыдов всегда размышлял над этим вопросом: «Как бессмысленное становится осмысленным?». Он пытался понять, с чего начинается идеальное в общей схеме идеального «вещь – дело – слово – дело – вещь». Не с вещи, конечно, они (В. В. Давыдов, Э. В. Ильенков) понимали это, не с вещи. С дела или со слова. Очень хитро они однажды определили это – нарисовали стрелки в том и другом направлении. «Вася, – сказал Э. В. Ильенков, – давай договоримся, это дорога с двусторонним движением». Тогда этот разговор так ничем и не закончился.

– *Что Василий Васильевич ценил в людях больше всего?*

– В. В. Давыдов ценил в людях, прежде всего, свободу мысли, её предметную отнесённость. Он не принимал, но обожал тексты М. К. Мамардашвили, Э. В. Ильенкова, Ф. Т. Михайлова, А. С. Арсеньева, В. С. Библера. Василий Васильевич говорил: «Путаники вы все». И добродушно смеялся над этим. Он любил этот межпрофессиональный диалог и пытался отнести его к исследованию ситуации развития ребенка. Поэтому вполне понятен переход к совместности. Переход к совместности «заварили» мы с Б. Д. Элькониным на самом деле. Даже не Галина Анатольевна Цукерман. Не Геннадий Григорьевич Кравцов и Юрий Александрович Полуянов. Если говорить об исторической правде – это мы вмешались в это дело. И вмешались мы потому, что в эксперименте с детьми могли сильно двигать результат в зависимости от того, как мы разговаривали с ребенком. В. В. Давыдова это выводило из себя, и он один раз даже отстранял нас от дела. Сказал: «Месяц с вами не работаю, не хочу разговаривать, вы мне морочите голову». – «Ну как же так, Василий Васильевич, ведь факт, что поговорили с ребенком и он все понял. Не поговорили – не понял».

Эта связь общения и обобщения, полемика с Л. С. Выготским в этом вопросе являются очень важным его научным рассуждением, серьезным научным заключением. Общение и обобщение внутренне связаны между собой. И дальше – вопрос, который он задавал: «Какое общение соответствует теоретическому обобщению, или в

каком общении возможно теоретическое обобщение, и какая форма совместной деятельности этому соответствует?».

И мы с Б. Д. Элькониным как раз этот вопрос «закрутили». Какой получился результат, вы можете видеть сами. И в наших работах, и в других есть определённая научная точка зрения. Мы изучаем совместное, совокупное действие и со-действие. Одна из форм, которую мы выделили, заключается в том, что она внепредметна, она является носителем идеального плана действия, порождающего новое действие. Это то, что мы сделали. Борис Данилович сделал важное открытие, связанное с понятиями границ и ограничения действия, преодоления границ действия в отношении к другому. В этом плане мы очень созвучны. Невозможно сказать: «Давайте научим ребенка быть внимательным, воспитанным, личностно-развитым и т. д.». Попробуйте научить – ничего не получится. Это вопрос вопросов. Как передается? И что такое свобода действия? *Свобода, которая не возможна без ответственности.*

Именно поэтому я считаю, что он ценил в людях больше всего свободу общения и свободу творчества, диалог. В повседневном общении он был, прежде всего, участником этого диалога. Все говорили: «Давыдов очень общительный», «Давыдов всем друг», потому что видели, что он открыто входит в разговор компании людей с совершенно разными взглядами. Я бывал с ним в разных ситуациях, и он всегда был душой компании.

Рассказываю случай. Однажды в Болгарии нас пригласил на Новый год советник министра Болгарии, известный и замечательный человек Ненчо Станев. В.В. Давыдов успевал много говорить, есть и шутить. Когда его попросили сделать какой-нибудь номер, Давыдов встал на большую бочку и спел «Славное море, священный Байкал», за что был награжден добавочными порциями и еще двумя номерами! Он всегда был душой компании, понимал предмет и смысл тех ситуаций, в которых находился. Этот смысл и есть идеальная форма, и он держал ее. Делал это без всякого труда, мог войти в любую ситуацию, и общение с другими было для него целью. И еще одна вещь, которую я извлек из опыта общения с Давыдовым: ты сначала становишься его другом, а потом сотрудником. И только в такой последовательности. А другу нельзя отказать. Например, звонок вечером – и Давыдов говорит:

– Виталий, прочитаешь завтра вместо меня 4 часа лекций в пед-университете.

– Василий Васильевич, ну как так...

– Ты же можешь!

И ему никогда нельзя было отказать, он был в первую очередь другом. И вот эта его особенность – для другого человека он мог отдать все. Среди его ценностей не было материальных. Он всегда работал ради идеи. Он был большим идеалистом, большим ребёнком по жизни. Это был философ-идеалист, который пытался разобраться с собственными идеальными мыслями. А жить приходилось в реальности. Понятно, каких усилий ему стоило закрывать эти сложные разрывы.

– Как, на Ваш взгляд, отнесся бы Василий Васильевич к современным реформам в школьном и высшем образовании?

– Как бы он отнесся к современным реформам? Он сказал бы, что не проработаны структура и содержание учебной деятельности. Про подростков сказал бы, что продвигаемся, но очень медленно. Но самое главное, он бы спросил, кто это будет делать, где педагоги, которые будут это делать? И поехал бы в очередной северный город вести семинары с теми, кто увлечен его научными идеями.

В этом смысле он приветствовал бы структурную и содержательную проработку проблемы обучения, учения и развития. Он много времени и сил этому делу посвящал.

Уже тогда В. В. Давыдов предвидел существенные проблемы с внедрением своей теории как системы учебной деятельности в образовательную практику и говорил:

– Я не представляю, как же это можно будет сделать так, как мы задумывали и делали.

– Почему?

– Потому, что это делается в повседневном общении с людьми, которые это делали, в внутреннем диалоге с ними.

Нам очень повезло, что у нас был этот научный, питающий нас диалог. И В.В. Давыдов хорошо понимал, что передать опыт можно только в такой форме. Это было его кредо. Транслировать это чисто механически, в виде правил и структур поведения – невозможно. Поэтому он предостерегал реформаторов, говорил:

– Ребята, вы, конечно, можете говорить о подготовке учителей, психологов, педагогов-психологов, но как вы им передадите способность саму форму держать, которую ребенок принимает? Как строить эти каналы передачи смысла и культурного значения?

Многие проблемы, связанные с определённым снижением значимости теории и практики учебной деятельности, возникают потому,

что необходимый кадровый ресурс не был подготовлен, он специально не создавался. Поэтому сейчас наша задача – подготовить исследователей, которые бы понимали те смыслы, которые наши учителя закладывали в свои концепции, и вносили бы их в свою практику.

– Если бы у Вас сейчас была возможность обсуждать современное состояние развития теории учебной деятельности, то какая бы это была проблема?

– Это, конечно же, те самые ключевые вопросы, которые поставил Давыдов:

- Как в зависимости от возраста детей строятся каналы смысловой коммуникации и каналы смысловой трансляции?
- Что должны делать взрослый и ребёнок, сами дети, чтобы оставаться в ситуации, когда можно принимать смысл и содержание понятий в том значении, которое за ним и стоит?
- Как готовить исследователей, способных работать в деятельности парадигме?

– По какой проблеме Вы бы хотели с ним проконсультироваться? На какой вопрос хотели бы получить ответ?

– А «проконсультировался» я бы с ним его же собственными словами. Так, В.В. Давыдов всегда говорил: «Виталий, а зачем козе гармонь?» На что я ему отвечал: «Василий Васильевич, здесь не ясны две вещи. Во-первых, что такое гармонь. Если будет ясно, что гармонь – это именно гармонь, то тогда, во-вторых, будет ясно, зачем. А если будем знать, какая гармонь, то станет ясно, как с ней обращаться».

Если резюмировать, всегда вспоминаю Василия Васильевича самыми теплыми и добрыми словами, словами благодарного ученика, пусть и имеющего большой опыт работы в этой области, свою концепцию и свою научную школу. Нам всем безмерно повезло, что такой замечательный гениальный ученый жил и работал вместе с нами, а мы были его учениками. И что слово «был» означает «есть», он вместе с нами. Это значит, что диалог с ним продолжается, он не разрушился. И доказательством этому является тот опыт, который накоплен нашими коллегами в Волгограде, во многих других городах России и за её пределами. Это наш совместный опыт, наша «коллективная форма» в том смысле, что мы принадлежим одной научной школе. И, на мой взгляд, это верный путь.